

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.162-177

Ю. Е. Пудовочкин*,
М. М. Бабаев**

Историческая криминология как методологический подход к изучению проблем преступности

Аннотация. Принцип историзма как базовое методологическое требование диалектики не получил в отечественной криминологии самостоятельной теоретической интерпретации. Его эманацией в современной англоязычной криминологии можно считать историческую криминологию, утвердившуюся в последние десятилетия в качестве авторитетного методологического подхода к изучению преступности и связанных с ней проблем. На основе нескольких авторитетных публикаций, прежде всего монографии Д. Черчилля, Г. Йоенса и И. Ченнинга «Историческая криминология», представляется возможным описать основные характеристики этого подхода. В соответствии с ним историческая криминология может мыслиться не как предметная область криминологических исследований и не как криминологическая школа, но как совокупность требований к изучению всех компонентов предмета криминологии. В их основе два базовых теоретических концепта: «историческое время» и «историческое мышление». Основные характеристики исторического времени — изменения, насыщенность событиями, текучесть, напряженность и воплощенность — задают соответствующие правила проведения криминологических исследований, среди которых: изучение криминологически значимых тенденций в долгосрочной перспективе; внимание к конкретным криминальным и социальным событиям не только как к точке, изменяющей тенденции, но и как к самостоятельной темпоральной единице; использование принципа сложности для объяснения преступности. В процессе реализации этих требований необходимо учитывать, что исследуемое криминологами настоящее — это многослойный социальный феномен, сочетающий в себе не только фиксируемые события и факты сегодняшнего дня, но также сохраняющиеся отголоски прошлого и предвосхищения будущего. Именно признание единства прошлого, настоящего и будущего выступает принципом адекватного исторического мышления в криминологии.

Ключевые слова: принцип историзма в криминологии; исторический метод в криминологии; сравнительный метод в криминологии; историческое время; историческое мышление; историческая криминология;

© Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М., 2023

* Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
11081975@list.ru

** Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Поварская ул., д. 25, стр. 1, г. Москва, Россия, 121069
babaevmm@yandex.ru

междисциплинарность криминологии; методология криминологии; зарубежные криминологические исследования; история криминологической науки.

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Историческая криминология как методологический подход к изучению проблем преступности // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 162–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.162-177.

Historical Criminology as a Methodological Approach to the Study of Crime Problems

Yuriy E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Povarskaya ul., d. 25, str. 1, Moscow, Russia, 121069
babaevmm@yandex.ru

Abstract. The principle of historicism as a basic methodological requirement of dialectics has not received an independent theoretical interpretation in domestic criminology. Historical criminology can be considered its emanation in modern English-language criminology, which has established itself in recent decades as an authoritative methodological approach to the study of crime and related problems. Based on several authoritative publications, primarily the monograph “Historical Criminology” by D. Churchill, G. Yeomans and I. Channing, it seems possible to describe the main characteristics of this approach. In accordance with it, historical criminology can be thought of not as a subject area of criminological research and not as a criminological school, but as a set of requirements for the study of all components of the subject of criminology. They are based on two basic theoretical concepts: “historical time” and “historical thinking”. The main characteristics of historical time — change, eventfulness, fluidity, tension and embodiment — set the appropriate rules for conducting criminological research, including: the study of criminologically significant trends in the long term; attention to specific criminal and social events not only as a point that changes trends, but also as an independent temporal unit; using the complexity principle to explain crime. In the process of implementing these requirements, it is necessary to take into account that the present studied by criminologists is a multi-layered social phenomenon that combines not only recorded events and facts of today, but also persistent echoes of the past and anticipations of the future. It is the recognition of the unity of the past, present and future that serves as the principle of adequate historical thinking in criminology.

Keywords: principle of historicism in criminology; historical method in criminology; comparative method in criminology; historical time; historical thinking; historical criminology; interdisciplinarity of criminology; methodology of criminology; foreign criminological research; history of criminological science.

Cite as: Pudovochkin YuE, Babaev MM. Historical Criminology as a Methodological Approach to the Study of Crime Problems. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):162-177. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.162-177.

Введение

В развитии общественных наук с последней четверти прошлого столетия можно вполне отчетливо фиксировать взаимонаправленные

процессы междисциплинарного сближения криминологии и истории, которые начались едва ли не одновременно и в криминологии, активно приступившей к внедрению исторических методов в собственные исследования, и в истории,

которая уверенно включила преступность в предмет своих исследовательских интересов. Плотность и интенсивность этих процессов, их самостоятельное осмысление и теоретическая оценка позволяют специалистам констатировать утверждение в современной криминологии особого исследовательского подхода, предполагающего изучение преступности и связанных с ней проблем в качестве исторического явления, подхода, требующего исторического мышления в криминологическом познании. Имя ему — «историческая криминология».

Нельзя сказать, что отечественная криминология на всем протяжении своего непростого существования игнорировала исторические методы. В советский период развития криминологии, ставший по своим достижениям «золотым веком» ее истории, методология диалектического материализма имплицитно предполагала и открыто требовала проведения исследований с учетом и на основе принципа историзма. Между тем конкретизация методологических требований принципа историзма для целей криминологической науки, насыщение его общих установок специальным криминологически значимым содержанием, «перевод» гносеологической программы на прикладной исследовательский уровень криминологии остались, по большому счету, неразработанными вопросами.

На этом фоне активная теоретическая интерпретация исторической криминологии способна восполнить недостающее звено в методологическом аппарате современной криминологической науки.

Цели и методы исследования

Настоящая публикация являет собой реферативный обзор нескольких теоретических работ по исторической криминологии, опубликованных в англоязычной печати в последние годы. Среди них особое место занимает коллективная монография «Историческая криминология», подготовленная ведущими специалистами в данной

области: Дэвидом Черчиллем, адъюнкт-профессором уголовного правосудия юридического факультета Университета Лидса, Генри Йоменсом, профессором криминологии Университета Лидса, и Иэном Ченнингом, преподавателем криминологии и уголовного правосудия Плимутского университета. В публикациях этих и некоторых иных специалистов раскрывается статус исторической криминологии, принципы проведения исторических исследований в криминологии, их предметное наполнение и перспективы развития. Представляется, что знакомство с новейшими достижениями зарубежных коллег в области исторической криминологии может внести свой позитивный вклад в совершенствование методологических основ российской криминологии и стимулировать обсуждение основных направлений реализации принципа историзма в теоретических и прикладных криминологических исследованиях.

Научоведческий статус исторической криминологии

Как отмечает в одной из статей Д. Черчилль¹, для некоторых значение исторической криминологии может показаться довольно очевидным. Многие, несомненно, предположили бы, что этот термин относится к работам по криминологии, сосредоточенным на прошлом или связанным с ним. Однако такому определению, по его мнению, следует решительно противостоять. Привязка исторической криминологии исключительно к изучению прошлого вызывает ряд трудностей.

Во-первых, нет четкой разделительной линии между прошлым и настоящим. Достаточно сказать, что большинство работ по криминологии основываются на данных, собранных до их написания, и поэтому в некотором смысле являются работами о «прошлом» и лишь предположительно — о «настоящем» или «будущем».

Во-вторых, многие исторические исследования в криминологии направлены главным образом не на понимание прошлого как тако-

¹ Churchill D. What is «Historical Criminology»? Thinking Historically about Crime and Justice // BSC Newsletter. 2018. № 82. P. 8–11.

вого, а на использование следов прошлого для понимания и критики нынешней ситуации. Они являют собой исследования, оформленные не как «истории прошлого», а как «истории настоящего».

В-третьих, прошлое вполне возможно изучать внеисторически, например пренебрегая установлением исторического контекста конкретного эпизода или объясняя прошлые события ссылками на последующие события.

По этим причинам замена «исторического изучения преступности» «изучением прошлого преступности» является бесперспективной отправной точкой для развития исторической криминологии. Изучением собственно «прошлого преступности» по большей части призвана заниматься история, но не криминология, у исторической криминологии — иное предназначение.

Многообразие подходов к организации историко-криминологических исследований позволило Д. Черчиллю с соавторами сформулировать несколько концепций исторической криминологии, каждая из которых представляет собой попытку преодолеть или иным образом устранить трудности в междисциплинарном понимании между историей и криминологией².

1. Для некоторых специалистов суть исторической криминологии заключается в присвоении криминологией методологических приемов и подходов, обычно связанных с исторической дисциплиной, в отождествлении исторической криминологии с архивными исследованиями. «Историческая криминология, — пишет Пол Кнеппер, — опирается на первичные источники, документы и материалы, относящиеся к определенному, представляющему интерес периоду времени»³.

2. Другие, напротив, стремятся не принимать методологические предположения историков, а скорее отбрасывать их в сторону, сосредотачивая внимание на вопросах генеалогии преступлений и наказаний. Такие исследователи утверждали, что исторические изыскания следует использовать не столько для понимания прошлого, сколько для проблематизации, критики и переоценки современного порядка. В то время как традиционная история стремится вовлекать исследования прошлых времен для понимания прошлого, генеалогия начинается с современных институтов или практик и движется в направлении исследования спорных и условных линий их исторического происхождения. Как объясняет Дэвид Гарланд, «генеалогический анализ прослеживает, как современные практики и институты возникли в результате специфической борьбы, конфликтов, союзов и силовых управлений, многие из которых в наши дни забыты»⁴.

3. Третья группа исследователей в области исторической криминологии не требует фундаментального переосмысления базовых научных подходов, сложившихся в истории или криминологии, будь то понимание темпоральности, целей исследования или его методологии. Как утверждают Пол Бликли и Томас Кехо, следует говорить о более скромной концепции исторической криминологии как спектра подходов, охватывающих господствующую социологическую криминологию с одной стороны и традиционную историю уголовного правосудия — с другой⁵. Историческая криминология, с их точки зрения, не предполагает принятия особой линии в вопросах темпоральности или методологии, но допускает сознательное при-

² Далее приводится обзор, представленный в работе: *Channing I., Churchill D., Yeomans H. Renewing Historical Criminology: Scope, Significance, and Future Directions // Annual Review of Criminology. 2023. Vol. 6. P. 339–361.*

³ *Knepper P. Historical Criminology // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds). New York : Springer, 2014. P. 2081–2087.*

⁴ *Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. 2014. Vol. 16. № 4. P. 372.*

⁵ *Bleakley P., Kehoe T. J. Historical Criminology as a Field for Interdisciplinary Research and Trans-disciplinary Discourse // History & Crime (Emerald Advances in Historical Criminology) / T. J. Kehoe, J. E. Pfeifer (eds). Bingley : Emerald Publishing Limited, 2021. P. 125–141.*

нятие определенной степени разнообразия и эклектики в ответе на вопросы о связи истории и преступности.

4. Наконец, отдельные исследователи указывают на историческую криминологию как на интеллектуальное пространство, в котором критически пересматриваются основные презумпции как истории, так и криминологии. В частности, они сосредотачивают внимание на том, как переосмысление связи между прошлым и настоящим может предложить альтернативный путь к междисциплинарному пониманию преступности. Если разные подходы к пониманию прошлого и его использованию — это то, что фундаментально разделяет историю и криминологию, то более тесная интеграция могла бы произойти за счет переработки общепринятого понимания прошлого и настоящего. Пол Лоуренс в связи с этим рассуждает о том, как «данные из прошлого и о нем — история — могут служить для объяснения настоящего и руководством к действию в настоящем»⁶.

Представленный обзор ясно показывает полифонию в подходах к пониманию исторической криминологии. Как видим, не существует устоявшегося взгляда на то, как должна быть задумана и реализована историческая криминология. Потому от современных исследователей требуется интегративный анализ исторической криминологии как базового подхода в криминологии, состоящего из различных исследовательских традиций и подходов, которые проявляют уважение к историческому времени.

Определяя собственное отношение к проблеме науковедческого статуса исторической криминологии, Д. Черчилль, Г. Йоменс и И. Ченнинг заявляют: было бы ошибкой определение исторической криминологии в соответствии с конкретным предметом («прошлым») или методом (историко-контекстуальных, историко-документальных исследований). Такой подход

может соответствовать претензиям исторической криминологии на дисциплинарную автономию, но вряд ли является идеальной отправной точкой⁷.

Историческая криминология не похожа на иные предметные направления криминологической науки (такие как, например, изучение профилактической деятельности, или виктимология); у нее нет собственной тематической области. Ее также нельзя рассматривать как отдельную школу криминологической мысли.

Любой аспект преступности, девиантности, вреда, уголовного правосудия и т.д. может быть изучен исторически. А потому историческую криминологию лучше всего рассматривать не как криминологию прошлого и не как присвоение исторических методов криминологическими исследованиями, но как исследование преступности, уголовного правосудия и связанных с ними вопросов, проводимое с учетом исторического времени. Историческая криминология, таким образом, — это способ исследования, подход, а не специализация, направление, а не субдисциплина.

Историческое время

Историческая криминология предполагает изучение криминологических явлений не просто с учетом фактора времени, а с учетом исторического времени. Серьезное отношение к историческому времени ориентирует историческую криминологию на понимание настоящего в той же мере, что и прошлого⁸.

Д. Черчилль, Х. Йоманс и И. Ченнинг в коллективной монографии раскрывают пять качеств, которые считаются центральными для понимания исторического времени: изменение, насыщенность событиями, течение, напряженность и воплощение⁹.

⁶ Lawrence P. Historical criminology and the explanatory power of the past // *Criminology & Criminal Justice*. 2019. Vol. 19. № 4. P. 493–511.

⁷ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. New York : Routledge, 2022. P. 23.

⁸ Knepper P., Scicluna S. Historical criminology and the imprisonment of women in 19th-century Malta // *Theoretical Criminology*. 2010. Vol. 14. № 4. P. 408.

⁹ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 25–48.

1. *Изменения.* Историческое мышление применимо только к изменяющимся объектам. Вместе с тем характер изменения изменяющихся объектов может быть различным. Один вид изменений — «количественный» — относится к долговечным объектам, тем, что, претерпевая многочисленные изменения в том или ином конкретном отношении(-ях), всё же сохраняются и могут быть распознаны благодаря неизменному набору присущих им свойств. Другой вид изменений — «качественный» — означает трансформацию объектов, изменение их природы. Скорость обоих видов изменений применительно к различным объектам может быть весьма различной. Всё это заставляет нас осознать, что мы и наши социальные практики существуем во времени. И будучи разоблаченными как преходящие, они часто кажутся созревшими для реформ.

2. *Насыщенное событиями время.* Изменения открывают пороговые значения различий между «более ранним» и «более поздним». Однако историческое мышление предполагает нечто большее, чем сравнение последовательно меняющихся состояний объектов; оно требует внимания к тому, как происходят перемены, к непрерывности изменений во времени. Цепь непрерывности проявляет себя в конкретных событиях. Как правило, криминологи оценивают событие не само по себе, а с точки зрения тех последствий, которые оно вызовет. Здесь важны два варианта последствий. С одной стороны, это изменение политических ситуаций и институциональных структур под влиянием событий (в том числе и незначительных). С другой — это обеспечение постоянства, поскольку постоянство проистекает не из отсутствия событий, а из непрерывной серии повторяющихся рутинных событий, которые воспроизводят существующие структуры.

3. *Время потока.* Не довольствуясь пониманием события как границы между прошлым и будущим, мы должны исследовать возникновение и развитие самого события; не удовлетворяясь переходом от одной ситуации к другой, мы должны искать импульс и траекторию развития любых событий. Событийный ряд формирует процесс. В то время как события являются

уникальными, неповторимыми деталями, процессы четко обозначены по типу. И хотя каждый процесс может быть насыщен разными событиями, приводить к разным результатам и приобретать разные значения в разных исторических условиях, идентичность самого процесса остается одинаковой. Отсюда — историческое мышление требует внимания не просто к факту наличия того или иного события (например, совершения преступления или принятия закона), но к процессам, которые характеризуют само событие (процесс совершения преступления), а также к процессам, которые формируются событийной последовательностью (процесс криминализации).

4. *Напряженное время.* Время не есть просто последовательная смена прошлого, настоящего и будущего. Напряженный взгляд на время предполагает, что события одновременно относятся и к прошлому, и к настоящему, и к будущему; с течением времени события приближаются из будущего, на мгновение становятся настоящим, а затем отступают все дальше в прошлое. Это становится более очевидным, как только мы переходим к сложному времени — «прошедшее настоящее», «настоящее будущее», «будущее в прошлом» и т.д. Такие термины побуждают нас рассматривать «прошлое» не просто как нечто родственное «более раннему», но как нечто, что присутствует в настоящем и существует в будущем. Это ставит вопрос хронологического расположения форм временных отношений. С одной стороны, прошлое — это нечто ушедшее, оставленное позади, «не подлежащее возврату». Однако в нем также содержатся условия, которые привели к возникновению настоящего — почва, из которой мы выросли. Прошлое, таким образом, означает как потерю, так и наследие, как уход, так и преемственность, как разъединенность, так и накопление. Как и «прошлое», «будущее» также предполагает отличие от настоящего, непохожесть. Но будущее связано с потенциальностью, оно открыто и подвижно, в отличие от неподвижного прошлого. Мы склонны думать, что можем действовать в настоящем, чтобы формировать будущее таким образом, каким мы не можем формировать прошлое, и вынуждены корректировать нынешние

действия в соответствии с будущими целями. Настоящее же — это, пожалуй, самое заманчивое из временных отношений. Настоящее — это время принятия решения; оно предполагает выбор тактики поведения (адаптация, принятие или сопротивление). Настоящее — это «наше» время, тогда как прошлое и будущее принадлежат «другим». Таким образом, историческое мышление показывает, как хронологическое расположение событий может повлиять на наши временные связи с ними. Например, составной термин «настоящее прошлое», обозначающий то из прошлого, что является для нас настоящим, указывает нам на то, как прошлое вспоминается, воспроизводится и переосмысливается и какие запасы прошлого знания и опыта мы мобилизуем для осмысления новых событий.

5. *Воплощенное время.* Движение исторического времени неотделимо от динамики тех объектов — индивидов, групп, институтов, социальных сил и т.д., которые его воплощают. Эти объекты исторически специфичны — они суть порождение своего времени, но не могут стоять в стороне от времени. Такие явления, как грамотность или насилие XIV в., окрашиваются значимым контекстом своего времени и существенно отличаются от аналогичных явлений дня сегодняшнего, что затрудняет их линейное сравнение и исследование сквозь века. К тому же изменение этих явлений в разных странах имеет отличительные хронологические сдвиги, что препятствует «горизонтальному сравнению» грамотности или насилия в одно и то же время в разных странах. В итоге у нас одновременно могут сосуществовать «старые» и «новые» отношения между насилием и грамотностью. Единая нить сменяющих друг друга эпох уступает место ткани множественных, накладывающихся друг на друга времен существования объектов. Это возвращает нас к «слоям» исторического времени и опровергает предположение о том, что сосуществующие объекты являются ровесниками — что хронологически одновременные объекты исторически объединены. Мы живем в «плотном» настоящем, включающем множество «временных режимов», каждый из которых воплощен в определенных политических и экономических формациях.

Значение исторического времени и исторического мышления для криминологии

Взаимодействие с историческим временем проявляется в научной озабоченности переменами, насыщенностью событиями, потоком, напряжением и воплощением. Это влечет за собой использование этих аналитических соображений на протяжении всего исследовательского процесса. В этом смысле историческую криминологию можно рассматривать как эпистемологическую точку зрения, способ познания мира. Но ее также можно рассматривать как онтологическую позицию. Это онтология исторических событий, переживаемых отдельными людьми и группами; конфигураций действующих лиц, сетей и структур, эволюционирующих во времени; совместно присутствующих действующих лиц и организаций; социальных отношений и институтов, которые постоянно воспроизводятся или реформируются; исторического наследия и личных или коллективных воспоминаний, смысл и значимость которых постоянно меняются в ответ на те или иные события. Таким образом, историческая криминология посвящена тому, как мы познаем мир, в котором живем, а также природе существования в этом мире.

Отсюда:

— во-первых, заниматься исторической криминологией не означает заниматься историей. Нам не нужно становиться историками. Всесторонняя историческая криминология требует применения исторического мышления, которое раздвигает границы традиционных исторических исследований, включая, например, процессуальные подходы и исследования будущего;

— во-вторых, историческая криминология не отдает предпочтение прошлому. Осмысление различных событий прошлого непосредственно входит в сферу ее компетенции, но то же самое относится и к пониманию наличных проблем преступности и правосудия, а также к историческим размышлениям о возможном будущем;

— в-третьих, историческая криминология не предполагает каких-либо особых методов. Методы архивных исследований наиболее близки теории исторического мышления, но то же самое относится и к анализу статистических

закономерностей, этнографии, сценарным методам и др.;

— в-четвертых, историческая криминология не предполагает какой-либо определенной формы письма. Повествование — это общепринятая форма описания истории, но существуют и другие жанры или стили, включая «лирическую социологию», утопию и биографию, которые также могут наглядно отображать историческое время;

— в-пятых, историческая криминология не предполагает никаких обязательств по отношению к какой-либо конкретной криминологической концепции, кроме верности историческому времени.

Используя понятия времени и воплощения, историческая криминология расширяет взгляд на настоящее. Вместо плоского, однородного настоящего она предлагает более пересеченный и разнообразный ландшафт с затемненными глубинами сохранившегося прошлого и парящими вершинами воображаемого будущего. Нас не интересует «прошлое» и «будущее» как таковое, но нас интересует связь с прошлым и будущими в том виде, в каком они фигурируют в настоящем и влияют на него.

Как утверждает Д. Черчилль, наиболее плодотворный способ реализовать задачи исторической криминологии — научиться исторически мыслить о преступности и правосудии¹⁰. Мыслить исторически — это мыслить во времени и сквозь время. Это может повлечь за собой несколько важных следствий:

— Во-первых, приведет к более пристальному вниманию к вопросам периодизации. Например, что считается «современным» (и что «историческим») в криминологических исследованиях? Как эти понятия варьируются в зависимости от различных тем исследований или различных национальных контекстов? Каким аспектам преступности и правосудия отдается предпочтение в рамках этой периодизации, а какие отодвигаются на второй план?

— Во-вторых, потребует изучения того, как течение времени влияет на оценку имеющихся

результатов исследований. Насколько полезны данные из разных периодов времени для оценки текущих проблем преступности и правосудия? Всегда ли актуальны новейшие данные? Что подразумевают ответы на вопросы о том, чего мы ожидаем от преступности и правосудия в будущем?

— В-третьих, способствует привлечению внимания к «прошлому в настоящем» — тому, как отношение к прошлому формирует сегодняшние проблемы в сфере преступности и правосудия. Как различные понимания истории опосредуют конфликты в условиях правосудия переходного периода? По-разному ли жертвы, органы уголовного правосудия и другие рассматривают «историческое» качество недавних преступлений?

— В-четвертых, ставит прямые вопросы о будущем преступности и правосудия. Как менялись представления о городском порядке с течением времени? Как различные институты и группы формулируют будущее преступности, безопасности и правосудия? Как современные органы безопасности и уголовного правосудия пытаются управлять будущим?

Даже этот краткий список вопросов ясно показывает, что историческая криминология могла бы охватить гораздо больше, чем обычные исследования «прошлого» преступности и правосудия.

Временные единицы криминологического анализа

Отталкиваясь от понятия исторического времени и принципов исторического мышления в криминологии, Д. Черчилль, Х. Йоманс и И. Ченнинг в рамках разрабатываемой ими концепции предлагают пять временных единиц для проведения криминологических исследований: тенденция, жизненный путь, событие, повторение и наследование¹¹.

1. *Тенденции*. Это временная единица, которая связывает текущий уровень чего-либо с уровнем того же самого в более ранние момен-

¹⁰ Churchill D. Op. cit. P. 8–11.

¹¹ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 58–73.

ты времени. Тенденции в уровне преступности, виктимизации, численности сотрудников полиции и вынесении приговоров — это лишь некоторые из тенденций, которые регулярно выявляются в криминологических исследованиях. Такие тенденции говорят нам кое-что о потоке событий — их направлении, скорости, траектории — и позволяют исследователям оценить степень изменений и преемственности во времени. Однако использование тенденций может привести к тому, что анализ будет иметь лишь «короткий срок годности». Большинство исследований уровня преступности основаны на ежегодных данных о преступлениях, зарегистрированных за 12 месяцев. Эти ежегодные агрегированные данные информативны, но не дают никаких указаний на какие-либо среднегодовые колебания уровня преступности между точками начала и окончания периода наблюдения, они скрывают еженедельные, ежемесячные или сезонные колебания уровня правонарушений. Они сродни своего рода мини-объединению, и это затушевывает некоторую детализацию движения преступности. Следовательно, такими исследованиями может быть трудно охватить весь спектр временной динамики, которая здесь работает. Кроме того, надо учитывать, что у факторов, влияющих на тенденции, была своя история и одна тенденция обуславливается в том числе и предшествующими. Например, снижение преступности в последнее время может быть результатом быстрого воздействия краткосрочных изменений (включая распространение средств безопасности), а также медленно вызревающего долгосрочного влияния других изменений (упадок феодальных обществ, формирование современных государств и т.д.). Такие сложные, многослойные и нелинейные социальные процессы трудно — а скорее, и невозможно — охватить в рамках временной единицы, состоящей из линейных изменений в пределах конкретных переменных.

2. *Жизненный путь.* Эта временная единица предлагает целостную криминологическую концепцию жизни индивида, включающую последовательность событий, действий и переживаний, характеризующих индивида на протяжении

времени. Следует преодолевать узкий, в значительной степени линейный взгляд на время, который умаляет нашу способность понимать, что жизнь отдельных людей — это не простое движение человека по одной траектории, а меняющийся, разнообразный и многомерный опыт, разыгрываемый в рамках многослойного развертывания времени.

3. *Событие.* Насыщенность исторического времени, конечно, проявляется в конкретных событиях. События — это то, что происходит. Иногда они оказывают преобразующее воздействие на общество, но в равной степени могут и воспроизводить существующие социальные механизмы. Криминологи традиционно сосредоточены на исследованиях событий как единичных исторических происшествий. Но событие само по себе представляет временную единицу — в том смысле, что у него есть начало, середина и конец. Эта темпоральность каждого отдельного события редко анализируется непосредственно в криминологии, в том числе с точки зрения определения начальной и конечной точек события.

4. *Повторение.* Эта временная единица позволяет отказаться от линейного представления о социальных изменениях и историческом времени и вместо этого предполагает циклическую временность, определяемую повторением определенных событий. Повторения могут быть преднамеренными или непреднамеренно возникающими; интервалы между ними могут различаться по продолжительности. Но «повторение» не означает повторного появления точно такого же явления, иное противоречит учету исторической специфики и случайности. Подобный взгляд рискует затушевывать изменения, отвлекая внимание от различий между повторяющимися историческими событиями, и это может увеличить вероятность анахронизма, побуждая ученых объединять прошлые и настоящие события, которые лучше анализировать по отдельности. Таким образом, повторение характеризуется не механистическим вращением исторического колеса, а «последовательным произнесением рифмующихся слов». Заполнение промежутков между повторениями также улучшает временной охват и может с пользой

подчеркнуть зависимость повторений от определенных формирующих событий.

5. *Наследование.* Эта временная единица постулирует, что некоторые черты настоящего не были сформированы текущими социальными действиями, а существуют как наследие более ранних периодов. Выявляя факторы, обеспечивающие преемственность, изучение наследственности может помочь ускорить социальные изменения. Поддерживая объяснения настоящего, историческая криминология может информировать о том, как можно было бы создать лучшее будущее. При этом мы можем сосредоточить внимание как на трансформирующих исторических изменениях, которые провоцируют наследование, так и на последующих процессах, которые (повторно) порождают их.

Методологические приемы исторической криминологии

Выявленные исследованием единицы темпорального криминологического анализа позволяют высказать соображения относительно методологических приемов и средств, способствующих их адекватному изучению¹².

1. *Рассмотрение ситуации в перспективе.* Даже при изучении по-настоящему нового явления по мере его раскрытия полезно рассмотреть предшествующие факторы, средства сравнения или альтернативы из прошлого. Учет таких соображений должен помочь исторически контекстуализировать текущее явление, представить текущую ситуацию в более широком масштабе времени. При этом непрерывный характер времени предполагает необходимость постановки вопроса о продолжительности «долгосрочной перспективы». Конечно, ответ на вопрос о временных рамках исследования должен варьироваться в зависимости от того, что изучается. Например, алкоголь употреблялся в Европе на протяжении веков, поэтому исследования употребления алкоголя, его последствий и регулирования в этом регионе могут разумно восходить к Средневековью. В то же время техно-

логические изменения имеют более короткую историю, а потому исследования киберпреступности могут быть оправданы при сосредоточении внимания на последних трех десятилетиях. В каждом конкретном случае суждения должны формироваться на основе исторического характера объекта исследования и доступных источников данных.

2. *Поиск последовательностей.* Любая попытка причинно-следственного объяснения преступности основывается на предпосылке, что причина должна предшествовать следствию. Исследователи могут усилить эту общую заботу о последовательности путем поиска соответствующих исторических событий или происшествий на основе количественных или качественных данных. Но какими бы они ни были, соответствующие события необходимо идентифицировать в рамках исторических данных и расположить в хронологическом порядке. Только когда они расположены последовательно, исследователи могут начать оценивать взаимосвязи между этими происшествиями. Причем поиск последовательностей будет приносить большую пользу, если он будет продолжен в долгосрочной перспективе. Это позволяет исследователям выйти за рамки простых оценок тех или иных тенденций, предоставляя значительно расширенные возможности для изучения причинно-следственных связей.

3. *Заполнение пробелов.* Анализ последовательностей может препятствовать проблеме «разрыва». Например, использование еженедельной статистики преступности позволило бы заполнить некоторые пробелы во временной структуре преступлений, которые замалчиваются в годовой статистике преступности, но это все равно скрывало бы колебания на ежедневном уровне или ниже. Проведение последовательного анализа постоянно происходящих событий, во всех их нюансах и сложности, вероятно, невозможно. Но тем не менее полезно признать потенциальный пробел во многих криминологических исследованиях и поразмыслить над тем, какие методы наиболее близки к улавливанию существенного движения исторического времени.

¹² Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 75–87.

4. *Использование сложности.* Возникший на основе нелинейной математики «поворот к усложнению» распространился в социальных науках. Последствия сложности для криминологии весьма разнообразны. В самом общем виде они предполагают отказ от линейных объяснений преступности. Тенденции обозначают период стабильности или последовательного движения в определенном направлении. В этом движении имеются события — поворотные точки, которые прерывают траектории. Они представляют собой нестабильности, которые могут привести к новой траектории или к дальнейшей нестабильности. События могут стать поворотными точками на микро- или макросоциальном уровне. Где бы они ни были обнаружены, они эффективно выявляют траектории социальных или личностных изменений, которые носят разнонаправленный, а не однонаправленный характер. Поворотных моментов может быть множество, что создает «зазубренные» траектории во времени и нелинейную направленность социальных изменений. Любой исторический момент, включая настоящее, в итоге должен рассматриваться как оживленный одновременным развертыванием множества временных процессов разной продолжительности. Принятие этого тезиса требует от криминологов более глубокого изучения прошлого. Отход от узкого, линейного взгляда на время расширяет временной фокус за пределы последних десятилетий и позволяет исследовать причинно-следственные связи или объяснительные возможности более ранних периодов времени. Таким образом, нелинейная перспектива необходима в силу того факта, что социальные процессы могут разворачиваться с неодинаковой скоростью в течение очень длительных периодов.

Единство прошлого, настоящего и будущего как основной тезис исторической криминологии

Историческое время как основной концепт исторической криминологии требует особого понимания текущего момента. Настоящее — это

плотный, многослойный феномен, сочетающий в себе не только нечто чувственно наблюдаемое «сегодня», но также отголоски прошлого и предвосхищения будущего. Единство прошлого, настоящего и будущего — ключ к историческому мышлению в криминологии.

Д. Черчилль, Х. Йоманс и И. Ченнинг уделяют особое внимание проявлениям прошлого в настоящем и будущего в настоящем.

А. Прошлое в настоящем

Ответ на вопрос о том, как прошлое отражается в настоящем на индивидуальном и коллективном уровне, выдвигает на первый план различия между двумя «нынешними прошлыми». С одной стороны, это вспоминаемое прошлое, память об истории. С другой стороны, это непосредственное прошлое травм и преследований, которое повторяется или задерживается и неотделимо от жизни настоящего¹³.

1. Память и история

Мы относимся к прошлому посредством памяти. На индивидуальном уровне — перенося прошлые события и ситуации в настоящее посредством актов воспоминания. На коллективном уровне — опосредуя прошлые события передаваемыми через поколения текстами, артефактами и изображениями. При этом, в отличие от индивидуальной памяти, коллективная память всегда множественна, т.к. образы прошлого варьируются в зависимости не только от социальных групп, но и от социального контекста воспоминаний. Вместе с тем и индивидуальная, и коллективная память имеют общие черты. Во-первых, память всегда избирательна: прошлое никогда не вспоминается целиком, и поэтому воспоминание протекает в тандеме с забыванием. Во-вторых, память — это, безусловно, работа настоящего. Воспоминание относится не к прошлому как таковому (прошлому во всей его «прошлости»), но к прошлому, ставшему настоящим. И в-третьих, мы не просто вспоминаем то, что «находится под рукой»; мы вызываем к воспоминаниям не потому, что они имели место недавно, а потому, что они имеют отношение к нашим текущим заботам и целям. Следовательно, память — это прошлое не про-

¹³ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 120–133.

сто настоящего, но и для настоящего; прошлое, соответствующее требованиям настоящего.

2. Травма, навязчивые идеи и присутствие прошлого

Травма — это печать прошлого, которая непосредственно присутствует в настоящем. Ученые стали рассматривать травму как коллективный опыт, в котором проявляется наша социальная идентичность. Индивидуально или коллективно травмирующие переживания (особенно из «трудного» прошлого, отмеченного насилием, конфликтом, войной или бедностью) не являются воспоминаниями, поскольку нет ощущения дистанции, отделяющей такое прошлое от настоящего. Скорее, прошлое и настоящее протекают параллельно: прошлое повторяется, заново переживается в настоящем. Травма, таким образом, нарушает течение времени от прошлого через настоящее к будущему. Это дает основу для понимания резонансов и отзвуков массовых уголовных дел и преступлений спустя долгое время после того, как они произошли.

3. Исправление прошлого

Присутствующее в настоящем прошлое (как память, так и травмы) является потенциальным источником разногласий и конфликтов. Отсюда — стремление исправить прошлое, переосмыслить его, переоценить, а порой и отвергнуть. Однако мы взаимодействуем с прошлым в соответствии с потребностями настоящего; и правильность наших нынешних целей также зависит от того, какие обязанности мы несем по отношению к свидетелям прошлого (выжившим и умершим). Поэтому «исправление прошлого» может означать его починку, исцеление, но точно так же это «исправление» может быть и мошенничеством, притворством в защиту чьих-то корыстных интересов.

4. Что может историческая криминология, исследуя прошлое в настоящем?

Историческая криминология может предложить полезные поправки к полуправде и заблуждениям, которые циркулируют в политических дебатах о преступности и уголовном правосудии¹⁴. Такие дебаты часто ссылаются на

историю, изображая современную преступность как более серьезную, более широко распространенную или более тревожную, чем преступность прежних времен. Дискурсы правого толка стереотипно противопоставляют наше беспокойное настоящее воображаемому прошлому стабильности и безопасности — «золотому веку», который можно воссоздать через возвращение к определенным «традиционным» ценностям. Однако исторический опыт тех, кто пережил определенные «золотые века», не всегда был таким счастливым и мирным, как можно себе представить. Способность подвергать сомнению доминирующие предположения и преобладающие мифы, а также борьба с политической дезинформацией означают, что историческая криминология может выполнять важнейшие функции «демократического подсобного рабочего», которые признаются центральными в общественной роли криминологии. Огромное значение может придаваться тому, чтобы отдельные люди и общества либо что-то помнили, либо забывали. Историческая криминология (в этом отношении политическая по своей сути) тщательно анализирует обращения к прошлому в публичном дискурсе, переосмысливает актуальные проблемы и поддерживает или усиливает культурную память об исторической несправедливости. Она связана с политикой памяти и политической динамикой власти, которые влияют на то, что мы помним, как мы это помним и что мы забываем. Поэтому, как и криминология в целом, историческая криминология не может избежать своего политического характера, даже если она не привязана к какой-либо конкретной политической повестке дня.

Б. Будущее в настоящем

Как прошлое проявляется в различных формах в настоящем, точно так же проявляется и будущее. Первое будущее — это будущее, измененное посредством реформ, второе будущее — это будущее преэминентности, создаваемое стратегиями безопасности. Наряду с этим, существует «отсутствующее будущее» — будущее, лишенное надежды или обещаний¹⁵.

¹⁴ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 162–164.

¹⁵ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 133–142.

1. Будущее как горизонт

Несмотря на неудачную карьеру «реформаторов» во многих секторах современного уголовного судопроизводства, реформистские схемы по-прежнему указывают на новые возможности, которые, по-видимому, находятся в пределах досягаемости и которые должны быть реализованы путем сознательных и обдуманных действий. С такой точки зрения будущее зависит от нас самих: мы можем вырваться из мертвой хватки истории, избежать смиренной рубашки нашего наследия и сокрушить историческую предначертанность силой действия. При этом реформа обращается к пустому, «открытому» будущему — горизонту, на который мы проецируем наши желания о лучшем мире. Метафора горизонта говорит как о чувстве будущего обещания, так и о неуверенности в его исполнении. Горизонт реформ — это «будущее, которое не может начаться, оно отдалается, если мы пытаемся приблизиться к нему». И всё же реформатор мечтает достичь чего-то, что кажется в принципе возможным; эта точка на горизонте находится в пределах видимости и поэтому в пределах досягаемости. В отличие от реформаторов, формирующих достигаемое будущее, убежденные утописты представляют будущее как совершенно другой мир в пространстве или во времени. Хотя утопическое будущее обязательно каким-то образом связано с настоящим, оно выходит за рамки исторического опыта и, следовательно, воспринимаемых границ исторических возможностей. Утописты не указывают на цели, которые должны быть достигнуты; скорее они предлагают постоянный стимул к действию.

2. Сохранение будущего

Реформа предполагает, что настоящее является точкой переключения между тем, что мы наследуем, и тем, что мы выбираем. Иногда, однако, мы взаимодействуем с будущим не для того, чтобы произвести изменения, а для того, чтобы прошлое и будущее обеспечивали непрерывность, чтобы облегчить прохождение настоящего перед лицом неопределенности. Концепт «безопасность» служит основным обо-

значением для таких способов предвидения и реализации будущего. Методы обеспечения безопасности направлены на то, чтобы снизить риск, справиться с неопределенностью, гарантировать, что вредные потенциальные возможности не реализуются. Последние десятилетия наводят на мысль о различии — каким бы размытым и неполным оно ни было на практике — между управлением риском и управлением неопределенностью. Управление рисками предполагает перенос знания о прошлом в будущее, формируя рационализированное будущее, тогда как управление неопределенностью проистекает из предположения, что будущие риски превышают наш опыт и формируют воображаемое, как правило, «кошмарное» будущее. К сожалению, криминологи уделяют мало внимания кошмарным перспективам, которые преследуют архитекторов безопасности, и редко подвергают критическому анализу правдоподобие такого будущего.

3. Никакого будущего

Иногда будущее — это не местность, лежащая перед нами, а ее полное отсутствие; пустота, отбрасывающая тень на настоящее. Наиболее широко и сильно чувство утраченного будущего находит выражение в перспективе глобальной экологической катастрофы. Лишая наши проекты прочного наследия, перспективы отсутствующего будущего угрожают лишить нынешнюю деятельность большей части ее смысла, который частично вытекает из идеи открытого будущего. Следовательно, будущее начинает приобретать качества, обычно ассоциируемые с прошлым: оно предполагает ощущение неизменности, фактичности и утраты; оно может преследовать нас точно так же, как мы можем оплакивать его.

4. Что может историческая криминология, исследуя будущее в настоящем?

Историческую криминологию следует рассматривать не как чисто ретроспективное предприятие, а как нечто в равной степени связанное с настоящим и будущим¹⁶. Вмешательство в будущее — это именно то, чем занимается большая часть современной криминологии.

¹⁶ Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. P. 164–165.

Однако историческая криминология делает это специфическим образом, работая над выявлением многочисленных и разнообразных способов, которыми прошлое переплетается с настоящим, и устанавливая эти совпадения как потенциальные возможности для вмешательства в будущее. Поиск прошлого в настоящем, перспективы в ретроспективе — всё это специфические атрибуты исторической криминологии. Наконец, историческая криминология придерживается определенного взгляда на будущее во множественном числе. Это не означает, что любое будущее возможно. Учитывая сложности и непредвиденные обстоятельства исторических изменений и преемственности, мы не можем построить мир в точности таким, каким хотели бы его видеть. Но существует множество возможных вариантов будущего, содержащихся в пределах любого исторического момента. Некоторые из них будут хронологически отдалены, а другие будут ближе к настоящему. Некоторые из них могут сосуществовать друг с другом, в то время как другие являются взаимоисключающими. Некоторым из них почти предопределено осуществиться, в то время как у других есть лишь малая толика шансов на это. Некоторые из них чрезвычайно похожи на настоящее, а другие сильно отличаются от него. И большинство из них будут как положительными, так и отрицательными с точки зрения их воздействия на различных социальных субъектов. В рамках определенных параметров отдельные лица, группы и другие социальные субъекты могут попытаться сформировать свое предпочтительное будущее.

Содержательные последствия развития исторической криминологии

Исторические перспективы в криминологических исследованиях, утверждает Д. Черчилль и соавторы, могут способствовать развитию четырех импульсов, или ключевых мотивов, которые движут криминологами. Это критический импульс, реформирующий импульс, искупительный импульс и общественный импульс¹⁷.

1. Критический импульс. Здоровая наука — это наука, в которой институциональный аппарат дисциплины или предметной области не препятствует интеллектуальному любопытству, в результате которого устоявшиеся формы знания подвергаются постоянному сомнению, подтверждению или пересмотру, заменяются или объединяются с другими устоявшимися или зарождающимися знаниями. Этот критический импульс эффективно срабатывает и поддерживается благодаря взаимодействию с историческим временем. История знакомит нас с головокружительным набором различий, начиная от тонких нюансов и заканчивая резкими контрверсами нашего времени. Многие исторические исследования имеют тенденцию дезинформировать настоящее, отбрасывая любые ощущения того, что существующие социальные механизмы являются нормальными или неизбежными. В равной степени исторические исследования могут выявлять сходство через «удивительную преемственность», поскольку современное поведение, ценности, практики и институты имеют долгую историческую родословную или поразительное прошлое. Таким образом, историческое исследование способно скорректировать представление о том, что наше время уникально.

2. Импульс к реформированию. Конечно, криминологи коллективно стремятся не просто познать мир, но и изменить его. Следовательно, криминология культивирует «реформаторский импульс», который побуждает ученых вовлекаться в мир практических дел и быть принятым в нем всерьез. Участие криминологов в политике уголовного правосудия — это чреватое опасностями и потенциально компрометирующее предприятие. Тем не менее при отбрасывании цели обоснования реформ существует опасность того, что криминология превратится в частное предприятие, в котором ученые общаются в основном друг с другом. Серьезное отношение к историческим различиям означает признание того, что нельзя просто перенести политику или практику из других времен в нынешние контексты. История не повторяется в

¹⁷ Channing I., Churchill D., Yeomans H. *Renewing Historical Criminology*.

точности. Тем не менее значимые сравнения во времени иногда могут помочь осмыслить текущие проблемы. Исторические рефлексии относительно политических реформ позволяют криминологам соединить прошлое и настоящее для того, чтобы внести свой вклад в формирование предпочтительного будущего для уголовного правосудия.

3. Искупительный импульс. В основе многих криминологических исследований — критическая озабоченность тем, чтобы бросить вызов обыденным представлениям «здорового смысла» о преступности и преступниках, чтобы очеловечивать правонарушителя и с сочувствием интерпретировать его поведение. Криминология побуждает исследователей придавать смысл поврежденным или загубленным жизням тех, кто серьезно пострадал от преступления или наказания. Этот искупительный импульс проявляется как в рамках изучения жизненного пути преступника, фокусируясь на восстановлении «хорошего» из жизни людей, которые по какой-либо причине стали «плохими», так и в рамках социальной истории преступности, обращаясь к анализу «человеческих масштабов» структурных преобразований в обществе. Он ориентирован на то, чтобы «очеловечить людей» в тех или иных исторических условиях.

4. Общественный импульс. Он побуждает нас взаимодействовать с общественной аудиторией для дальнейшего понимания преступности и уголовного правосудия. Во времена уголовного популизма аргументированное, критическое знание, основанное на эмпирических исследованиях, всегда, вероятно, будет маргинализированным по отношению к доминирующим медиадискурсам. Потому важная роль

исторической криминологии, в частности, проистекает из потребности в информированном и пронизательном комментарии к популярным представлениям о криминальном прошлом, в их силе формировать коллективные воспоминания и формировать культурную идентичность в настоящем.

Заключение

Обзор некоторых (далеко не всех) исследований, посвященных проблемам теории исторической криминологии, убедительно доказывает ценность восходящих к принципу историзма концептов исторического времени и исторического мышления для проведения криминологических изысканий, изучения феномена преступности и проблем противодействия ей. Он открывает перед исследователями широкие перспективы как в части применения исторического метода, требуя «длинных» криминологических наблюдений и их контекстуальной интерпретации, так и в части обозначения перспективных тематических направлений: память и преступность, социальные последствия прошлого преступности, преступность и моделирование будущего, социальные события и криминологические тренды и т.д. Развитие и реализация идей и принципов исторической криминологии призваны способствовать не только приращению и углублению криминологического знания, но и повышению социальной роли криминологической науки в поддержании исторической правды, обосновании реформ и преемственности общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bleakley P., Kehoe T. J. Historical Criminology as a Field for Interdisciplinary Research and Trans-disciplinary Discourse // History & Crime (Emerald Advances in Historical Criminology) / T. J. Kehoe, J. E. Pfeifer (eds). — Bingley : Emerald Publishing Limited, 2021. — P. 125–141.
2. Channing I., Churchill D., Yeomans H. Renewing Historical Criminology: Scope, Significance, and Future Directions // Annual Review of Criminology. — 2023. — Vol. 6. — P. 339–361.
3. Churchill D. What is «Historical Criminology»? Thinking Historically about Crime and Justice // BSC Newsletter. — 2018. — № 82. — P. 8–11.

4. Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. — New York : Routledge, 2022. — 220 p.
5. Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. — 2014. — Vol. 16. — № 4. — P. 365–384.
6. Knepper P., Scicluna S. Historical criminology and the imprisonment of women in 19th-century Malta // Theoretical Criminology. — 2010. — Vol. 14. — № 4. — P. 407–424.
7. Knepper P. Historical Criminology // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds). — New York : Springer, 2014 — P. 2081–2087.
8. Lawrence P. Historical criminology and the explanatory power of the past // Criminology & Criminal Justice. — 2019. — Vol. 19. — № 4. — P. 493–511.

Материал поступил в редакцию 1 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bleakley P., Kehoe T. J. Historical Criminology as a Field for Interdisciplinary Research and Trans-disciplinary Discourse // History & Crime (Emerald Advances in Historical Criminology) / T. J. Kehoe, J. E. Pfeifer (eds). — Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021. — P. 125–141.
2. Channing I., Churchill D., Yeomans H. Renewing Historical Criminology: Scope, Significance, and Future Directions // Annual Review of Criminology. — 2023. — Vol. 6. — P. 339–361.
3. Churchill D. What is «Historical Criminology»? Thinking Historically about Crime and Justice // BSC Newsletter. — 2018. — № 82. — P. 8–11.
4. Churchill D., Yeomans H., Channing I. Historical criminology. — New York: Routledge, 2022. — 220 p.
5. Garland D. What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // Punishment & Society. — 2014. — Vol. 16. — № 4. — P. 365–384.
6. Knepper P., Scicluna S. Historical criminology and the imprisonment of women in 19th-century Malta // Theoretical Criminology. — 2010. — Vol. 14. — № 4. — P. 407–424.
7. Knepper P. Historical Criminology // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds). — New York: Springer, 2014 — P. 2081–2087.
8. Lawrence P. Historical criminology and the explanatory power of the past // Criminology & Criminal Justice. — 2019. — Vol. 19. — № 4. — P. 493–511.